

вкругъ насъ: «...Всѣ эти *счастливыя*, безъ исключенія, почти всѣ одержимы нервными, желудочными и половыми болѣзнями... Переберите ихъ смерти: кто застрѣлился, кто съ ума сошелъ, кто сгнилъ отъ сифилиса. Одинъ за другимъ они гибнутъ во имя ученія міра. И мы лѣземъ за ними и, какъ мученики, ищемъ сами тѣхъ же страданій и гибели. Одна жизнь за другою бросается подъ колесницу этого бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая ихъ жизни, и новыя, и новыя жертвы, со стенами, воплями и проклятіями валятся подъ нее.» («*Вз чѣмъ сч?*»).

VIИ.

Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію пути, какимъ шло «обрѣтеніе» гр. Толстого «себя самого» въ этическомъ смыслѣ, иначе сказать,—процесса, коимъ постепенно для него «*выяснялась, упрощалась, переходила въ дѣло*» нравственная истина,—къ ознакомленію съ героями его произведеній, по скольку въ нихъ наглядно отразилось различіе двухъ возрѣній на жизнь, по скольку въ нихъ самихъ воплощены борьба и процессъ постепеннаго выясненія двухъ началъ въ развитіи личности—этического и эстетическаго, различіе которыхъ еще лучше и виднѣе станетъ читателю отъ этаго ознакомленія. Въ этомъ смыслѣ, для насъ всѣ произведенія гр. Толстого—полная исторія его собственнаго этическаго развитія, законченная картина этой внутренней работы, въ отдѣльныхъ стадіяхъ которой мы можемъ подсмотрѣть и самый процессъ этой работы, ея ходъ—*opus operans* этого развитія; каждый отдѣльный герой гр. Толстого, въ этомъ смыслѣ, какъ бы олицетворенная творческая попытка самого автора, *nisus formativus* его воли, отдѣльныхъ создающихъ попытокъ и усилій ея...

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ героевъ гр. Толстого мы должны слѣдовать той же относительной оцѣнкѣ, такъ же